

Шихуа оказался духом персикового дерева. Обретя сознание лишь столетие назад, он все эти годы делил кров с этим старым домом и тремя поколениями семьи Чжоу. Ему не раз удавалось избежать участи стать кухонной утварью, поэтому к людям он особой любви не питал.

Более сорока лет назад у супругов Чжоу родились сын и дочь. Дочь звали Чжоу Ли. В отличие от своего непоседливого и вечно попадающего в неприятности брата Чжоу Чэня, Чжоу Ли росла послушной и прилежной. На пятилетнем смотре талантов ее заметили наставники секты Тяньянь и забрали в ученицы. Восемнадцать лет она провела в постижении Дао.

Для духа, еще не сумевшего полностью отделить свою сущность от дерева, присутствие в доме заклинателя было смертельно опасным. К счастью, девушка возвращалась лишь по праздникам. Шихуа приходилось тщательно скрывать свою ауру, а в остальное время — цвести как можно пышнее и приносить самые сладкие плоды, чтобы семья ценила его и не помышляла о топоре.

Быть демоном — утомительно.

Первые годы все шло спокойно. Шихуа усердно совершенствовался, мечтая избежать гибели и стать величайшим из духов в округе. Но Чжоу Ли росла, ее мастерство крепло, и однажды, вернувшись домой, она направила на него свой духовный меч. Шихуа пришлось в спешке доказывать, что он — добрый дух.

У всего есть своя причина. Девушка вспомнила, как в детстве дерево помогало ей, и они заключили сделку: он охраняет покой дома, она — его. Шихуа считал это неплохим обменом, и со временем они стали друзьями.

Путь совершенствования скучен, особенно когда ты единственный дух в округе, но возвращения Чжоу Ли всегда приносили с собой свежий ветер. Она рассказывала о землях, разделенных на пять областей, об островах в четырех морях, о трех великих сектах и двенадцати школах, о тайных мирах, турнирах и собраниях. Она говорила о других демонах — драконах, змеях, лисах, птицах. Для существа, запертого на одном клочке земли, этот мир был полон соблазнов. Шихуа старался изо всех сил, желая поскорее обрести свободу, но прежде, чем он успел завершить путь, с Чжоу Ли случилась беда: во время изгнания нечисти ее духовная энергия обратилась вспять, ядро треснуло, и путь к самосовершенствованию для нее закрылся навсегда.

В то время она напоминала бездушную куклу, оживая лишь в присутствии своего возлюбленного из клана Цзян. Клан Цзян был знатным родом, а семья Чжоу — лишь мелкими обывателями. Разница в положении была огромной, но юноша из клана Цзян проявил упорство. Они заключили клятву Двух Душ: жизнь одного стала неразрывно связана с жизнью другого, и смерть одного означала гибель для обоих. Клан Цзян уступил, и Чжоу Ли вошла в их дом.

Шихуа не знал, что такое любовь, но раз Чжоу Ли сказала, что это хорошо, значит, так оно и было. Перед отъездом он подарил ей заколку из персикового дерева, способную отвести одну

беду, а она в ответ отдала ему свой духовный корень, чтобы помочь быстрее обрести форму.

Духовный корень — это ключ к вратам бессмертия. Для демона он — бесценный дар, помогающий укрепить ядро и повысить уровень силы. Шихуа был благодарен, но в то же время опечален. Он чувствовал, что она больше не вернется. Глядя на прожитые годы, он вдруг осознал, что из ста с лишним лет лишь последние двадцать имели хоть какой-то смысл.

Шихуа тоскливо считал дни. Когда Чжоу Ли появилась снова, от ее прежнего сияния не осталось и следа.

Два года в клане Цзян прошли в гармонии, а потом она родила сына. Ребенок был недужен: глаза разной формы, деформированный нос, бледная, как бумага, кожа, и он никогда не плакал. Его называли порождением демона. Клятва Двух Душ была расторгнута по обоюдному согласию. Одна сторона не могла смириться с уродством ребенка, другая — пожертвовала всем, чтобы защитить его. Клятва, которой когда-то завидовали все, рассыпалась в прах.

Возвращение домой не принесло покоя. Слухи, косые взгляды, упреки родителей — а когда в три года ребенок умер, Чжоу Ли сломалась окончательно. Она целыми днями сидела у холодного тела, кормила его, расчесывала волосы и говорила с ним, словно он был жив. Лишь когда ответом была тишина, она начинала рыдать, и этот плач наполнял пустой дом леденящей душу тоской.

Муж не дал ребенку имени и не позволил носить фамилию отца. Чжоу Ли звала его А-Юнь — как немеркнущее солнце.

Шихуа никогда не думал, что человеческая натура может так измениться. Мир может как возвысить человека, так и раздавить его в пыль. К тому времени Шихуа уже обрел способность покидать дерево, но ненадолго. Он вселился в тело А-Юня и соткал для нее сон, длившийся двадцать лет — от первых шагов ребенка до его женитьбы и внуков.

Если у умершего нет близких, чтобы проводить его в последний путь, душа не обретет покоя. Шихуа не был ее супругом, но он оставил на персиковом дереве в городе У-И печать, чтобы найти ее. Спустя десять лет поисков он наконец встретил ее.

У людей есть навязчивые идеи, есть они и у демонов. Су Цинцзюэ считала, что без них жизнь теряет смысл, но существовать как ходячий труп, подобно Чжоу Ли, — это не выход. Она взглянула на старуху и спросила:

— Она принимала пилюли Динъюань?

Для создания иллюзии снов требовалась подпитка. Чжоу Ли прожила в них двадцать лет, будучи обычной смертной. Без вспомогательных средств она бы не выдержала. Шихуа кивнул:

— Да.

Он взмахнул рукой, и в воздухе закружились лепестки цветов — целая жизнь, уместившаяся в двадцать лет сновидений.

— согласишься ли ты проводить ее в последний путь как ее вдова? — спросил он Су Цинцзюэ.

Лю Сяньэр до этого молчала, но теперь подала голос:

— Девушка, есть ли у вас дальние родственники по фамилии Чжоу?

Су Цинцзюэ покачала головой:

— Я ношу фамилию Су, у меня нет родственников с фамилиями Чжоу или Сун.

— Странно, — нахмурилась Лю Сяньэр. — А Чжоу Ли точно была родной?

Шихуа лишь искоса взглянул на нее. Он прожил в этом доме больше века и знал правду. Лю Сяньэр поняла, что сболтнула лишнее, и перевела взгляд на Су Цинцзюэ. Та не стала скрывать:

— Я мало знаю о своих родителях. Возможно, мать меня удочерила.

Ее голос звучал ровно, а глаза были спокойны, как осенняя вода. Поскольку они были случайными попутчиками, расспрашивать дальше не стоило. Шихуа повторил:

— Так ты согласна?

Похороны — дело важное, они приносят благо потомкам. У Чжоу Ли их не было, и Шихуа хотел, чтобы она обрела покой. Су Цинцзюэ не знала эту женщину, но из-за кровной связи могла бы помочь. Однако принимать на себя роль вдовы ради чужого благословения было не совсем правильно.

— Каковы твои условия? — спросила она.

— Просто зажигай благовония в дни поминовения.

Шихуа просиял. Он боялся, что она откажется, и теперь смотрел на нее с теплотой, что выглядело довольно странно на лице маленького ребенка, в чье тело он вселился. Су Цинцзюэ отвела взгляд.

Шихуа прыгнул со стола и снова взмахнул рукой. Лепестки превратились в звездную пыль, впитавшуюся в тело старухи. В последний миг та, казалось, вернулась в юность. Она обернулась и прошептала:

— Шихуа, спасибо.

Этот голос, пробившийся сквозь годы, отозвался в его сердце. Он вспомнил, как когда-то девушка под персиковым деревом подняла лепесток и спросила: — Я буду звать тебя Шихуа, хорошо?

Глаза Шихуа покраснели. Он вышел из тела ребенка и принял облик юноши в розовых одеждах. Он подошел к Чжоу Ли, которая взяла его за руку и улыбнулась — улыбкой, полной мудрости и печали.

Спустя сорок лет все было кончено. Под цветущим персиковым деревом лежали мать и сын, словно погрузившиеся в глубокий сон. Шихуа вытер глаза и заметил, что Лю Сяньэр тоже плачет.

— Ты чего? — удивился он.

— Вы оба освободились от прошлого, это прекрасно, я радуюсь за вас, — хрипло ответила она.

Шихуа моргнул:

— Ты радуешься тем двум кувшинам персикового вина?

Лю Сяньэр утерла слезы и хмыкнула:

— Естественно.

Они были знакомы несколько лет, и все это время она пыталась выманить у него вино, которое он зарыл под деревом. Шихуа вздохнул:

— Забирай завтра, раз уж так хочешь.

Цзинь Юйлю, до этого молчавший, подошел, держа на руках спящего Хэ Юйяня:

— Могу ли я взглянуть на твою печать персикового цветка?

Шихуа, чей облик в сочетании с мрачной маской Цзинь Юйлю выглядел еще более притягательным, скрестил руки на груди:

— Зачем?

— Я никогда не слышал, чтобы эта печать могла находить кровных родственников.

Цзинь Юйлю слегка склонил голову. Су Цинцзюэ показалось, что он смотрит на нее. Она протянула ему лепесток.

— Что-то не так? — спросила она.

Лю Сяньэр дернула Шихуа за рукав:

— Помнишь того даоса, который дал тебе пилюлю и научил технике?

Шихуа нахмурился:

— Ты тоже считаешь, что здесь что-то нечисто?

Цзинь Юйлю взял лепесток, и тот мгновенно обратился в сизый дым.

— Что это? — спросила Су Цинцзюэ.

— Это не печать персикового цветка, а Проклятие Имени, — пояснил Цзинь Юйлю. — Оно использует кровь как посредника. Тот, кто накладывает проклятие, держит приказ, а метка на другом человеке служит для отслеживания. Как только заклинатель произносит имя, он находит свою цель.

Су Цинцзюэ посмотрела на ошарашенных демона и девушку.

— У тебя есть приказ? — спросила она.

Шихуа покачал головой:

— Тот даос не говорил ни о каких проклятиях. Сказал, что это просто печать для поиска. Может, он мошенник?

— С какой стати мне лгать? — холодно заметил Цзинь Юйлю.

— Когда ты начал искать родственников Чжоу Ли? — спросила Лю Сяньэр.

— Пятнадцать лет назад.

Шихуа побледнел.

— Пятнадцать лет — и ни одного родственника? — воскликнула Лю Сяньэр. — Это проклятие явно с подвохом. Его кто-то перехватил?

Шихуа, осознав, что стал пешкой в чужой игре, посмотрел на Су Цинцзюэ:

— Я правда не знал.

Су Цинцзюэ понимала, что Шихуа искал не ее, а случайное совпадение. Но кто же дергает за ниточки в тени?

— Если человек попал под это проклятие, как его снять? — спросила Лю Сяньэр.

— Стереть из сознания, — ответил Цзинь Юйлю. — Тот, у кого сильный дух, способен это сделать.

Су Цинцзюэ проверила себя и ничего не обнаружила — видимо, потому, что Юй Люгуан спал. Она покачала головой. Лю Сяньэр вздохнула с облегчением:

— Не бойся, этот демон хоть и живет сотни лет, но сердце у него чистое. Он не обманет.

Шихуа, нервно ожидая ответа, снова спросил:

— Ты все еще согласна?

Су Цинцзюэ кивнула:

— Как и договаривались, я буду ее вдовой.

— Почему? — удивился Шихуа.

— Кто-то учил меня совершать добрые дела, да и наши пути пересеклись не просто так.

Лю Сяньэр усмехнулась:

— Ты веришь в воздаяние?

— Думаю, да, — ответила Су Цинцзюэ.

Шихуа, которому было не до философии, поспешно перебил их:

— Тогда спасибо.

Он повернулся к незваному гостю:

— Ты ведь знаком со стариком Хэ из винной лавки на севере города?

Цзинь Юйлю ответил:

— Я его заберу.

— Забирай, он мне больше не нужен, — махнул рукой Шихуа.

Цзинь Юйлю кивнул и исчез, словно его и не было.

— Вот уж поистине — ни следа, ни тени, — пробормотала Лю Сяньэр. — И не забудь про вино!

— Все будет, — бросил Шихуа. — Пойдем, поможешь мне облачить их в погребальные одежды.

Су Цинцзюэ осталась ждать у каменного стола, а когда приготовления были завершены, они втроем отправились к горе Цзююэ.